

ДОН НИГРО

КЛИТЕМНЕСТРА

Дон Нигро Клитемнестра

*Текст предоставлен издательством
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=48798834*

Клитемнестра:

Аннотация

Дон Нигро «Клитемнестра/Clytemnestra». Вторая часть Греческой трилогии (Первая – «Ифигения», третья – Электра». Трилогия входит в сагу «Пендрагон-Армитейдж). 7 актеров (3 женские и 4 мужские роли). Глава семейства возвращается с войны (в нашем случае, с Первой мировой). Жена само собой, успевает завести любовника. Семья по-прежнему бьется в паутине греческой трагедии. Итог закономерен: мужчина, прошедший войну, находит смерть в ванне.

Содержание

Действующие лица:	5
Сцена	6
Картины	8
Действие первое	10
Картина 1. Крыльцо	10
Картина 2. Крыша	29
Конец ознакомительного фрагмента.	33

Дон Нигро Клитемнестра

ДОН НИГРО
КЛИТЕМНЕСТРА

Действующие лица:

МАЙКЛ РАЙАН – 54 года

КАРОЛИН РАЙАН – 46 лет

ДЖЕННА РАЙАН ДЕМЕТРИОС – старшая дочь **МАЙКЛА** и **КАРОЛИН**, 28 лет

ЛЕКСИ РАЙАН – младшая дочь **МАЙКЛА** и **КАРОЛИН**, 27 лет

НИК ДЕМЕТРИОС – муж **ДЖЕННЫ**, 39 лет

ОГАСТ БАЛЛАНТАЙН – отец **КАРОЛИН**, 72 года

ЛУПИ РАЙ – деревенский дурачок, 82 года

Сцена

Армитейдж, маленький городок в округе Пендрагон, в восточной части штата Огайо. 1919 год. Все места, где происходит действие, существуют одновременно в рамках единой декорации: скамья и часть кладбища – у авансцены справа, у авансцены слева – стул, который стоит в саду за пансионом «Цветы». На ступень выше авансцены крыльцо дома Райанов, справа, с диваном-качелями. По центру слева стол и стулья – столовая дома Райанов. На две ступени выше – кабинет Майкла, со стулом, письменным столом, книгами, слева у задника. Еще на ступень выше, справа у задника, ванная комната с ванной. Тремя ступенями выше, в заднике по центру, лестничная площадка, по пути на невидимый чердак. Слева и справа от площадки окна, выводящие на крышу. Вся эта структура очень зыбкая – если не считать мебели, дома, как такового, нет. Стены и двери условны или их нет вовсе. Перемещение действия из одного места в другое должно проходить плавно и без разрыва, персонажи, не участвующие в конкретной картине, зачастую видны в других частях сцены, поэтому переход от одной картины к другой обеспечивается лишь передвижением актера туда, где находятся другие актеры/актер, занятые в следующей картине. Лестницы обеспечивают вход и выход актеров к любому участку сцены, где происходит действие.

Не должно быть пауз между картинами или затемнений, в которых актеры покидают сцену. Никаких перестановок мебели или изменений декораций.

Картины

Действие первое

1. Крыльцо.
2. Крыша.
3. Сад за пансионом «Цветы».
4. Кабинет.
5. Кладбище.

Действие второе

6. Крыльцо.
7. Ванная комната.
8. Кладбище.

«Клитемнестра» – вторая часть «Греческой трилогии», включающей в себя три полноразмерные пьесы:

«Ифигения»

«Клитемнестра»

«Электра».

Пьесы могут ставиться независимо одна от другой или все

вместе, как трилогия: в три последовательных вечера, или утром, днем и вечером одного дня.

Действие первое

Картина 1. Крыльцо

(Вечер. Стрекот цикад. ЛЕКСИ и НИК сидят на диване-качелях. НИК пьет).

ЛЕКСИ. Мы ужасные? Ужасные, да?

НИК. В сравнении с чем? Ужасным можно быть лишь в каком-то контексте. Каков контекст?

ЛЕКСИ. Я пытаюсь вести себя, как приличный человек. Но что мне делать? До конца жизни сидеть здесь и мучиться от чувства вины?

НИК. Это Средний Запад. Таково наше основное занятие.

ЛЕКСИ. Я навечно должна оставаться одинокой и несчастной, потому что моя сестра, так уж вышло, безумна?

НИК. Ты не одна одинока и несчастна. Ты одинока и несчастна на пару со мной. И не навечно. В какой-то момент ты умрешь.

ЛЕКСИ. Что со мной происходит? Мой разум не знает покоя. Я постоянно вижу Дженну, запертую в том жутком месте с людьми, которые пускают на нее слюни. До того, как ее увезли, я думала только об одном: как бы от нее избавиться, но теперь мне очень ее не хватает. Может, это меня следова-

ло посадить под замок и заливать слюнями?

(Закрывает лицо руками. НИК смотрит на нее, потом обнимает).

НИК. Моя слюна тебя устроит?

ЛЕКСИ. Убери руку, а не то я вырву ее и скормлю коту.

НИК (*опасливо убирая руку*). Извини. Проявил несвойственное мне сочувствие.

ЛЕКСИ. Думаешь, я не знаю, что ты делаешь?

НИК. Буду признателен, если ты мне скажешь.

ЛЕКСИ. Я знаю, чем ты занимаешься с моей матерью.

НИК. Я бы предпочел заниматься этим с тобой.

ЛЕКСИ. Как ты можешь так себя вести, когда твоя жена в смиренной рубашке?

НИК. Рубашку эту надели на нее с твоей помощью.

ЛЕКСИ. Но я не сплю с ее мужем.

НИК. Ты подошла к этому очень близко.

ЛЕКСИ. Один раз, подошла только один раз. Но перед моими глазами стоит лицо Дженны в тот момент, когда ее уводили, и я чувствую, что меня вырвет, если ты обнимешь меня.

НИК. Проверим?

ЛЕКСИ. Может, какая-то моя часть все еще этого хочет. Но я не могу. Просто не могу.

НИК. Что ж, к счастью, твоя мать может. (*Пьет*).

ЛЕКСИ. Ты отвратительный. Папа уходит на войну, Дженну держат в дурдоме, а вы с матерью ведете себя, словно сви-

нии, валяющиеся в грязи.

НИК. Незачем оговаривать свиней. Я был несчастен. Мучился угрызениями совести. Пьяный. Моя жена находилась в дурдоме. Ты со мной спать не желала. А твоя мать однажды появилась в моей спальне совершенно голой. И что мне оставалось делать? Наглубить теще?

ЛЕКСИ. Поэтому ты переспал с ней? Из вежливости? Такая твоя версия? До чего же противно тебя слушать.

НИК. Ты права. Нет мне оправданий. Да и у тебя их наберется немного. И конечно, нет оправданий у твоей матери. Вероятно, ни для кого из нас нет оправданий, разве что мы все – ожившие персонажи греческих пьес, в чем уверен твой отец. Если ты будешь спать со мной, я больше никогда не прикоснусь к твоей матери.

ЛЕКСИ. Любая девушка мечтает услышать такое обещание от мужа ее сестры.

КАРОЛИН (*выходит из дома*). Почему вы всегда сидите на крыльце вдвоем? Твой отец подставляется под пули во Франции, твоя сестра в дурдоме, ведет долгие разговоры с воображаемыми людьми, а ты целыми днями слоняешься по дому, словно кошка.

ЛЕКСИ. Мы – воображаемые люди. И со временем станем все более воображаемыми.

КАРОЛИН. Я – не воображаемая. Кто ты – не знаю. А твой отец, возможно, уже мертв.

ЛЕКСИ. Он не мертв. Война закончилась.

КАРОЛИН. Тогда почему мы о нем ничего не знаем?

ЛЕКСИ. На его месте ты бы писала кому-то из нас?

НИК. Я бы не писал. Пока меня бы не убили. Тогда послал бы телеграмму.

КАРОЛИН. Мой муж мертв и мой сын мертв.

ЛЕКСИ. Томас пропал без вести. Это не значит, что он мертв.

КАРОЛИН. Разумеется, он мертв. Пропавшие без вести никогда не находятся, моя бедная маленькая девочка в дурдоме, а мой единственный относительно здоровый ребенок все вечера проводит на крыльце с мужем своей сестры, наблюдая, как он напивается до бесчувствия.

НИК. Бесчувствие – пройденный этап. Я пытаюсь загнать себя в кому.

ЛЕКСИ. В чем дело, мама? Алкоголь влияет на его способности?

КАРОЛИН. Я не знаю, о чем ты?

ЛЕКСИ. Все в городе знают, о чем я. Даже деревенский дурачок знает, о чем я. Как тебе не стыдно.

КАРОЛИН. Лекси, у тебя развратный ум.

ЛЕКСИ. Ты изменяешь моему отцу с мужем моей безумной сестры, а у меня развратный ум?

КАРОЛИН. Я очень люблю твоего отца.

ЛЕКСИ. Ты никого не любишь. И хочешь, чтобы он умер, чтобы получить страховку.

КАРОЛИН. Ты ничего не знаешь о любви.

ЛЕКСИ. Я знаю главное. Я знаю, что любовь умирает.

КАРОЛИН. Для такой умной девочки ты всегда была потрясающе глупой. Твоя сестра была такой милой. Такой послушной. Только потом я поняла, что ее послушание – форма безумия. А вот ты заставляла меня нервничать. Всегда так подозрительно смотрела на меня. Я никогда не могла понять, чего ты так смотришь. И не говори мне, что я не люблю твоего отца. Меня начало трясти, как только я его увидела. Что-то в его глазах превратило меня в желе.

НИК. Это была вина.

КАРОЛИН. Какая еще вина?

НИК. Он был убийцей. Тебя влекла к нему вина, которую ты видела в его глазах. Женщин непроизвольно влечет к опасности, отчаянию, фатальности, жестокости и насилию. Именно поэтому они любят мужчин.

ЛЕКСИ. Ни хрена ты не понимаешь в женщинах.

КАРОЛИН. Лекси, следи за речью. Старайся изображать добропорядочную девушку. И ты должна перестать болтаться на кладбище с деревенским дурачком. От него ты набираешься всей этой вульгарности.

ЛЕКСИ. Мои разговоры с деревенским дурачком интереснее любых других. А еще он так красиво рисует меня углем на обороте старых конвертов. Конечно, на всех его картинках я голая, но они такие красивые.

КАРОЛИН. Лупи Рай видел тебя голой?

ЛЕКСИ. Еще нет. Во всяком случае, я перед ним не раз-

девалась. Предполагаю, что у него богатое воображение.

КАРОЛИН. С чего деревенскому дурачку представлять тебя голой?

НИК. Все представляют ее голой. Все, кто собирается в пожарке. Все пьяницы в «Красной розе». В банке мы часто сидим в хранилище, перебрасываемся серебряными долларами и представляем себе Лекси голой.

ЛЕКСИ. А может, он опять заглядывал в окна.

КАРОЛИН. Не понимаю, почему деревенский дурачок постоянно шныряет у нашего дома. И почему он воет? Раньше Лупи никогда не выл.

ЛЕКСИ. Он воет от тоски по Дженне. Ему ее недостает.

КАРОЛИН. Грандиозно! Деревенский дурачок воет под моим окном от тоски по моей безумной дочери. Моя жизнь – готический роман. Если ты не будешь начеку, окажешься в дурдоме рядом со своей сестрой, будешь вырезать из бумаги кукол и телепатически общаться с котом.

ЛЕКСИ. Так ты собираешься избавиться от меня? Тем же способом, каким избавилась от Дженны?

КАРОЛИН. Я не избавилась от Дженны. Я только отправила ее в дурдом. А что мне оставалось делать? Или ты хотела, чтобы она бегала по городу, говоря всем, что ее отец – преступник? Мы никогда не знали, что может сорваться с языка Дженны. И ты согласилась. Твой отец тоже согласился.

ЛЕКСИ. Я согласилась, потому что боялась, что она причинит себе вред.

КАРОЛИН. Ты согласилась, потому что тебе не терпелось затащить ее мужа в свою постель.

ЛЕКСИ. Нет, это как раз по твоей части, мама.

КАРОЛИН. Ты сидишь здесь, воображая обо мне чудовищные небылицы, но ты совершенно меня не знаешь. Ты, скорее всего, понятия не имеешь, как это было одиноко – жить с твоим отцом. Лежать одной в кровати, смотреть в потолок, тогда как он коротал время с пьесами, написанными две тысячи лет тому назад давно уже умершими греками. Одиночество твоего отца было заразным, мы все подхватили его. И все-таки, когда я засыпаю, последняя моя мысль – о нем. Я думаю, что он лежит мертвым где-то во Франции, вместе с твоим братом, и я скорблю о твоей бедной безумной сестре, а ты сидишь на крыльце, выдумывая обо мне развратные истории, и позируешь голой деревенскому дурачку.

ЛЕКСИ. Мне нет нужды выдумывать развратные истории. Моя жизнь – развратная история. Ты такая лицемерка. Не думай, будто Дженна не знает, почему ты никогда не навещаешь ее.

КАРОЛИН. Дженна ничего не знает. Она безумна.

ЛЕКСИ. Она, возможно, безумна, но не глупа. Да, она немного странная, но знает, что происходит.

КАРОЛИН. И сколько раз ты ездила к ней?

ЛЕКСИ. Она не хочет меня видеть.

КАРОЛИН. Так она не хочет видеть и меня. Кого ей не достает, так это нашего кота. Мне и без того хватает забот, у

меня жуткие головные боли, а твой дедушка умирает.

(Справа в тених появляется фигура, наблюдает за ними. Это МАЙКЛ, но они его пока не заметили).

ЛЕКСИ. Ты не навещаешь и дедушку.

КАРОЛИН. Ты тоже.

ЛЕКСИ. Я бы навестила, но он постоянно хватает меня за жопу.

КАРОЛИН. Это его способ выражать теплые чувства. И не говори «жопа». Если тебе так необходимо ее упомянуть, скажи «пятая точка». Мне придется поговорить с деревенским дурачком.

ЛЕКСИ. Мама, ты – лошадиная пятая точка. И дедушка не выражает теплые чувства, хватая меня за жопу. Он – ужасный, ужасный старикашка.

КАРОЛИН. Все мужчины ужасные. Мы должны делать им скидку, как бабуинам и другим человекообразным существам. Будь твой отец здесь, он бы смог тебе это объяснить.

МАЙКЛ *(из темноты)*. Нет, не смог бы.

КАРОЛИН. Это правда. Не смог бы. *(Всматривается в темноту)*. Кто это сказал? Кто здесь? Лупи?

ЛЕКСИ. Папа? *(Сбегают с крыльца в объятья Майкла)*. Папа! Ты дома!

КАРОЛИН. Господи, Майкл. *(Спускается с крыльца и обнимает его)*. Ты в порядке?

МАЙКЛ. Нет, я не могу дышать и, думаю, одна из вас сломала мне ребро.

КАРОЛИН. Почему ты не сообщил о приезде?

ЛЕКСИ. Мама постоянно твердила, что ты мертв.

МАЙКЛ. Не так она и ошибалась.

КАРОЛИН. Почему ты нам не писал?

МАЙКЛ. Переезжал с места на место.

КАРОЛИН. Девять месяцев переезжал?

МАЙКЛ. Отсюда туда – путь долгий.

ЛЕКСИ. Ты так похудел. Нам придется откармливать тебя.

НИК (*он пьет, сидя на диване-качелях*). Для убийства. Они хотят откормить тебя, чтобы убить.

МАЙКЛ (*глядя на НИКА*). Я вижу, Ника еще не вздернули.

НИК. Они по-прежнему ищут подходящее дерево. Извини, что не встаю. Через несколько минут отключусь, поэтому хочу быть поближе к земле.

ЛЕКСИ. Ты должен рассказать нам о том, где побывал и что с тобой приключалось.

МАЙКЛ. Не знаю, с чего начать.

КАРОЛИН (*вглядываясь в тени*). Кто там? Кто прячется в темноте? Под деревьями кто-то есть. Это ты, Лупи? Он постоянно здесь отирается. Нам нужно как-то отвадить его от нашего дома.

МАЙКЛ. Я приехал не один.

КАРОЛИН. С Томасом? Ты привез Томаса?

МАЙКЛ. Томас по-прежнему числится в без вести про-

павших. Это Дженна.

КАРОЛИН. Дженна в психушке.

МАЙКЛ. Я забрал ее оттуда.

КАРОЛИН. Ты ее забрал?

МАЙКЛ. НЕ могу я держать дочь в таком месте.

КАРОЛИН. Почему нет? Именно ты отправил ее туда.

МАЙКЛ. Я позволил тебе меня уговорить. Но это было неправильно. Теперь я дома и хочу все исправить. Дженна? Ее на какое-то время отгородили от обычной жизни. Иди сюда. Все хорошо. Бояться нечего.

ДЖЕННА. Правды в твоих словах нет. *(Выходит из тени, на лице тревога)*. Лица этих людей пугающе знакомы.

МАЙКЛ. Само собой, знакомы. Это твоя мать, твоя сестра Лекси и твой муж.

ДЖЕННА. Сомневаюсь. Разве я не убила своего мужа?

ЛЕКСИ. Еще нет, но мы на это надеемся.

ДЖЕННА. Как-то не складывается. Не то же самое. Не такое, что было в моей голове. Что-то здесь по-другому.

МАЙКЛ. Это дом. Теперь это твой дом.

ДЖЕННА. Нет. Это кладбище. Воспоминания убили его. Воспоминания всегда убивают. Невозможно что-то вспомнить должным образом, пока это что-то не умерло.

ЛЕКСИ *(направляется к ДЖЕННЕ, чтобы обнять ее)*. Дженна, как приятно тебя видеть.

ДЖЕННА *(пятясь)*. Пожалуйста, без прикосновений. Они здесь запрещены.

КАРОЛИН. Не могу поверить, что тебе позволили ее забрать.

МАЙКЛ. Она немного дезориентирована. Придет в норму, как только прекратится действие лекарств.

КАРОЛИН. Ты уверен, что мы хотим, чтобы их действие прекратилось?

ДЖЕННА. Так приятно видеть тебя, мама.

КАРОЛИН. И я счастлива, что ты здесь, только хочу убедиться, что ты можешь вернуться в наш мир.

ДЖЕННА. Мне теперь лучше. Я многое вижу. Прошрое. Будущее. Иногда зебр. Вот настоящее какое-то мутное. Единственное, во что я не верю.

КАРОЛИН. Мне представляется, она далеко не в порядке.

МАЙКЛ. Ей давали слишком много лекарств. Она должна привыкнуть жить без них. Сейчас ей все кажется странным.

ЛЕКСИ. Здесь всегда все было странным.

КАРОЛИН. А Томас? Как ты мог вернуться без моего сына?

МАЙКЛ. Я искал его долгое время.

КАРОЛИН. Он мертв. Я знаю, он мертв.

МАЙКЛ. Мы этого не знаем. Он может быть в каком-нибудь госпитале. В армии порядка нет никакого. Он служил в военной разведке и по-прежнему считается пропавшим без вести.

КАРОЛИН. В разведке? Да кто мог взять Томаса в раз-

ведку? Он только в десять лет научился завязывать шнурки. Нет. Мой сын мертв.

ЛЕКСИ. Может, перестанешь так говорить? Ты словно хочешь, чтобы твои слова стали явью.

КАРОЛИН. С чего мне этого хотеть?

ЛЕКСИ. Не знаю. Ты никогда его не любила, пока не вбила себе в голову, что он мертв. Я думаю, тебе просто нравится оплакивать его.

КАРОЛИН. Он нравится мне больше, чем ты.

ЛЕКСИ. Все нравились тебе больше, чем я.

ДЖЕННА. Томас не мертв. Он говорит со мной каждый день.

КАРОЛИН. Дженна, ты думаешь, что с тобой говорит кот.

ДЖЕННА. Кот тоже говорит со мной. Иногда мы болтаем троим. Я, Томас и кот. Словно у меня в голове параллельные телефоны.

НИК. Будь у нас собака, получился бы квартет.

ДЖЕННА. Томас за линией фронта. Ест клубнику с двумя голландскими барышнями и коровой.

КАРОЛИН. Майкл, как ты мог забрать ее оттуда? Она явно не в своем уме. Увези ее назад, и прихвати с собой Лекси.

ДЖЕННА. Я рехнулась, когда выходила замуж, но мне стало гораздо лучше после того, как я убила своего мужа. Вот и он, пьет на крыльце, такой же мертвый, каким я его оставила. Разве ты не рад моему возвращению, Ник?

НИК. Если честно, то рад.

ДЖЕННА. Не выглядишь ты радостным. Ты больше похож на крокодила, который жил под моей кроватью.

КАРОЛИН. Дженна, не было крокодила под твоей кроватью.

ДЖЕННА. Был. Я слышала тиканье.

КАРОЛИН. Какое тиканье?

ДЖЕННА. В крокодиле. Он проглотил карманные часы капитана Крюка. И ночью я слышала, как они тикают под моей кроватью.

КАРОЛИН. Лекси, ты клала часы под кровать твоей сестры и говорила ей, что там крокодил?

ЛЕКСИ. Вполне возможно.

КАРОЛИН. Как ты могла это сделать?

ЛЕКСИ. Она была такой легковверной, что я не могла устоять.

КАРОЛИН. Она, наверное, провела половину детства, страшаясь крокодила, живущего под ее кроватью.

ЛЕКСИ. Она на год старше меня. Нашла, кому верить.

КАРОЛИН. Это трагедия – иметь ребенка, который верит всему. Одна моя дочь именно такая, а вот вторая никогда не верила ничему. Мне тут было очень нелегко, Майкл, со всеми волнениями о тебе, Томасе и Дженне, да и мой отец так тяжело болен.

ЛЕКСИ. Даже не пытайся выдоить сочувствие к своему отцу. Папа, после твоего отъезда она ни разу с ним не виделась.

КАРОЛИН. Я собиралась пойти к нему завтра.

ЛЕКСИ. Он звонит каждый день. Она не берет трубку.

КАРОЛИН. Потому что занята.

ЛЕКСИ. Да, знаем мы, чем ты так занята.

КАРОЛИН. Некоторые в этом доме действительно работают. Едва ли ты надорвешься, если раз в полгода протрешь пыль под пианино.

МАЙКЛ. Достаточно. Эту перебранку пора прекратить. Я хочу провести дома хоть один спокойный вечер, до того, как мы начнем сдирать друг с друга кожу, словно стая очумевших птеродактилей.

КАРОЛИН. Как ты меня назвал? Как ты только что меня назвал?

ЛЕКСИ. Плотоядной доисторической летающей рептилией.

КАРОЛИН. Я – не плотоядная доисторическая летающая рептилия.

ЛЕКСИ. Стала бы ею, если б научилась летать.

ДЖЕННА. Я собираюсь поздороваться с котом и хочу, чтобы вы начали учиться уживаться друг с другом. Помните, что моя психика сейчас очень хрупкая и меня нельзя волновать, поэтому попытайтесь не убить друг дружку в мое отсутствие. Если вдруг Лупи наведается к мусорным бакам, передайте ему мои наилучшие пожелания и попросите поцеловать за меня его белок. Так приятно вернуться домой. Та же психушка, только больше ярости и жесточенности.

(Уходит в дом).

МАЙКЛ. Я думаю, этот урок от Дженны пойдет нам всем на пользу.

ЛЕКСИ. Да, куда спокойнее говорить с котом.

КАРОЛИН. По крайней мере, он точно никого оскорблять не будет.

ЛЕКСИ. Если исключить оскорбления, что еще мне говорить?

КАРОЛИН. Вот и попытайся какое-то время помолчать.

ЛЕКСИ. Надеюсь, она не вылезет на крышу.

КАРОЛИН. Она не вылезет. Потому что хочет поговорить с котом.

ЛЕКСИ. А если кот на крыше?

КАРОЛИН. Тогда, я надеюсь, она сбросит кота вниз.

МАЙКЛ. Пожалуйста, перестаньте говорить о коте. Я прошел столь долгий путь не для того, чтобы стоять на крыльце и говорить о коте.

ЛЕКСИ. Пойду в дом, чтобы убедиться, что моя сестра не собирается нырнуть ласточкой с крыши в первый же вечер после возвращения из психушки. Никто не возражает?

КАРОЛИН. Никого не волнует, что ты собираешься делать.

ЛЕКСИ. Приятно это знать. (*Вновь обнимает МАЙКЛА*). Добро пожаловать домой, папа. Ты очень храбрый, раз покинул относительно безопасные окопы во Франции, чтобы вернуться в это место. (*Целует МАЙКЛА в щеку и уходит*

в дом).

КАРОЛИН. Зачем я завела детей? Почему не ограничилась попугаем?

МАЙКЛ. На войне мне каждую ночь снился наш дом. Я представлял его себе таким мирным. Теплые летние дни в гамаке. Вечера под стрекот цикад. Чтение на диване-качелях в дождливую погоду. Я провел дома десять минут, и мне уже хочется уехать во Францию.

НИК. Мне так хочется оказаться во Франции.

КАРОЛИН. Нам всем хочется оказаться во Франции.

НИК. Но кто-то должен оставаться в банке и приглядывать за расхищением денег.

МАЙКЛ. Пойду приму ванну.

КАРОЛИН. Я с тобой.

МАЙКЛ. Я могу принять ванну и сам.

КАРОЛИН. В свое время мы принимали ванну вместе.

НИК. Спасибо, что подарила мне этот незабываемый образ.

КАРОЛИН. А что не так? Ты больше не хочешь принимать ванну вместе со мной?

МАЙКЛ. Не знаю. Позволь мне об этом подумать. Сейчас я пытаюсь вспомнить, за что именно, по моему разумению, я воевал.

НИК. Ни за что ты не воевал. Ты просто хотел убраться подальше от своей жены.

МАЙКЛ (*обращаясь к НИКУ*). Мои чемоданы на тротуа-

ре. Просто принеси их и поставь в прихожей.

НИК. Так я теперь коридорный?

МАЙКЛ. Ты знаешь, Ник, офицерам разрешено привозить домой личное оружие. (*Уходит в дом*).

КАРОЛИН (*кричит вслед*). Я сейчас поднимусь. (*Обращаясь к НИКУ*). Куда ты смотришь?

НИК. Будь моя воля, я бы никуда не смотрел. Ни к чему хорошему это не ведет. Я бы выколол глаза вилкой, если бы точно знал, что доберусь до бара на ощупь.

КАРОЛИН. Ник, нам с тобой надо кое с чем разобраться.

НИК. Что ж, попробуй, но я слишком много выпил, так что это будет нелегко.

КАРОЛИН. Мой муж вернулся домой.

НИК. Счастливчик.

КАРОЛИН. Поэтому мы должны прекратить то, чем мы занимались.

НИК. Нет проблем.

КАРОЛИН. Я не хочу тебя обидеть.

НИК. Меня здесь даже нет.

КАРОЛИН. Тебе все равно?

НИК. Какая разница, все равно мне или нет?

КАРОЛИН. Ты прав, никакой. И я знаю, что на самом деле ты хочешь мою дочь.

НИК. Какую именно?

КАРОЛИН. Вероятно, обеих.

НИК. Что тебе от меня нужно, Каролин?

КАРОЛИН. Я хочу своего мужа. Я всегда его хотела. Не уверена, почему, но если дать мне время подумать об этом, я, скорее всего, вспомню.

НИК. А что хочет твой муж? Как я понимаю, спокойно полежать в ванне.

КАРОЛИН. Он – мужчина. Не знает, чего хочет, пока я ему не скажу. А ты держись подальше от Лекси. Твоя жена сейчас дома.

НИК. То есть ты хочешь, чтобы я спал со своей женой? Ты к этому клонишь?

КАРОЛИН. Нет. Сам видишь, какая хрупкая у нее психика.

НИК. То есть ты хочешь спать со своим мужем, но не хочешь, чтобы я спал со своей женой?

КАРОЛИН. Я хочу, чтобы ты не спал ни с одной из моих дочерей.

НИК. По-моему, это несправедливо. А как насчет соседей? Могу я спать с соседями? Старая миссис Дули с вставными зубами еще очень даже нечего.

КАРОЛИН. Я хочу, чтобы какое-то время все вели себя пристойно? Неужели я прошу слишком многого?

НИК. Вероятно. Ты слышала?

КАРОЛИН. Что?

НИК. Прислушайся.

КАРОЛИН. Я ничего не слышу.

НИК. Хлопанье крыльев. Летучие мыши. Совы. Ангел

смерти.

КАРОЛИН. Ты действительно жалкий пьяница.

НИК. Передай от меня привет своему отцу, когда увидишь его.

КАРОЛИН. Не говори мне о моем отце.

НИК. Твой отец любит меня.

КАРОЛИН. Мой отец тебя ненавидит.

НИК. Нет. Я напоминаю ему мальчишку, каким он был до того, как белки поселились у него в голове. Тебя он недолюбливает.

КАРОЛИН. Да откуда тебе это известно?

НИК. Я знаю, что твой муж вернулся домой с войны. А моя жена вернулась домой из психушки. И, если прислушаться, можно уловить, как в ночной тьме зловеще хлопают доисторические крылья.

(Хлопанье крыльев. НИК пьет. КАРОЛИН смотрит вверх. Свет медленно гаснет).

Картина 2. Крыша

(Ночь. ДЖЕННА сидит на крыше. Уханье сов. ЛЕКСИ приближается к ней из ближайшего окна).

ЛЕКСИ. Я знала, что найду тебя здесь. Ты в порядке?

ДЖЕННА. Лучше не бывает. Хотя это не значит, что все хорошо.

ЛЕКСИ. Не следовало тебе выходить на крышу. Это опасно. Учитывая, что ты на лекарствах.

ДЖЕННА. Все опасно, с лекарствами или без. Поэтому я их больше не принимаю. Мне так не доставало сов. В психушке была женщина, которая думала, что она – сова, но это не одно и то же. Хотя она держала численность мышей под контролем. Мне так не доставало этого дома. Недоставало всего, за исключением людей.

ЛЕКСИ. Можно посидеть с тобой?

ДЖЕННА. А как тебе помешать? Разве что столкнуть вниз. Но я не хочу этого делать. Мама заставит меня оттирать мозги от бетонной дорожки.

ЛЕКСИ. Как я понимаю, ответ «да». *(Неловко садится рядом с ДЖЕННОЙ)*. Дженна, извини, что я ни разу не навестила тебя. Просто я...

ДЖЕННА. Тебя замучили угрызения совести? Все нормально. Тех, кто здесь живет, людьми назвать нельзя. И, ду-

маю, хватит мне быть безумной. Одно дело – сойти с ума самой, и совсем другое по чьей-то злой воле день и ночь находиться среди безумных. Они иногда такие колоритные, но на самом деле все это весьма печально. Ты хорошо заботилась о моем муже?

ЛЕКСИ. Правда, Дженна, я очень виновата перед тобой в том, что позволила увезти тебя. Я... я боялась, что ты причинишь вред себе или кому-то еще.

ДЖЕННА. Все нормально.

ЛЕКСИ. Я так не думаю.

ДЖЕННА. Что ж, это правда. Нормальным уже ничего не будет. Но иногда я чувствую, будто умерла и родилась вновь. Словно меня перенесли на волшебный остров безумных, и я вернулась оттуда с вестью о прощении и всеобщей любви.

ЛЕКСИ. Полагаю, это хорошо.

ДЖЕННА. Нет, я шучу. Меня всего лишь перевели из Ада в одну из теплых окраин Чистилища. Большая часть Ада – воспоминания, большая часть Небес – воображение. Это я вынесла из дурдома. У нас есть суп из моллюсков?

ЛЕКСИ. Думаю, что нет.

ДЖЕННА. Слушай, давай достанем кастрюльку и выльем матери на голову.

ЛЕКСИ. Я запишу это в список первоочередных дел.

ДЖЕННА. Так ты не спала с Ником?

ЛЕКСИ. Я никогда не спала с Ником. Я едва выношу его, когда бодрствую.

ДЖЕННА. За все время моего отсутствия у тебя не было половой связи с моим мужем?

ЛЕКСИ. Да.

ДЖЕННА. Ни разу?

ЛЕКСИ. Не было и намека.

ДЖЕННА. Даже случайно, когда ты не обращала внимания на происходящее?

ЛЕКСИ. Нигде и никогда.

ДЖЕННА. Ты клянешься?

ЛЕКСИ. Клянусь.

ДЖЕННА. Так ты все еще девственница?

ЛЕКСИ. Почему бы нам не вернуться в дом?

ДЖЕННА. Потому что там наша семья.

ЛЕКСИ. Логично. *(Пауза)*. Мне доставало тебя. Мне действительно, действительно доставало тебя.

ДЖЕННА. А теперь, когда я вернулась, тебе уже хочется, чтобы я оказалась где-то еще.

ЛЕКСИ. Ладно, это правда. *(Обнимает ДЖЕННУ, та кладет голову на плечо ЛЕКСИ)*.

ДЖЕННА. Лекси?

ЛЕКСИ. Да.

ДЖЕННА. У меня есть секрет.

ЛЕКСИ. Правда?

ДЖЕННА. Не следует мне им делиться.

ЛЕКСИ. Все нормально. Мне ты можешь сказать. Он касается кота?

ДЖЕННА. Нет. Нас.

ЛЕКСИ. Нас? В смысле, тебя и меня?

ДЖЕННА. Нас всех. Мы – персонажи пьесы.

ЛЕКСИ. Персонажи?

ДЖЕННА. Да.

ЛЕКСИ. Мы – персонажи пьесы?

ДЖЕННА. Да.

ЛЕКСИ. Какой пьесы?

ДЖЕННА. Греческой трагедии.

ЛЕКСИ. Мы – персонажи греческой трагедии?

ДЖЕННА. Да.

ЛЕКСИ. Я так не думаю.

ДЖЕННА. И тем не менее.

ЛЕКСИ. Милая, это не греческая трагедия. Это Огайо. В лучшем случае это бульварная комедия.

ДЖЕННА. Нет, это иллюзия, обусловленная предрассудками и маленькими мозгами. Мне это совершенно очевидно. У меня открылся дар предвидения. Я была Ифигенией, но теперь я – Кассандра. Поверь мне. Я научилась этому у нашего отца. Наша жизнь – трагедия. Все умирают.

ЛЕКСИ. Если это так, может, нам просто сидеть и наслаждаться жизнью, пока она продолжается. Что скажешь?

ДЖЕННА. Похоже на программу действий. Глупую, но все-таки... *(Пауза)*. Лекси?

ЛЕКСИ. Что?

ДЖЕННА. Можем мы приготовить попкорн?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.